УДК 94(57)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-44-58

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЛЕНСКОГО КРАЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В XVII ВЕКЕ В КОНЦЕПТЕ ФРОНТИРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Чертков А. С.

Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности применения фронтирного концепта для исследования событий присоединения Ленского края к Русскому государству в XVII в. служилыми людьми.

Процедура и методы. Осуществлён анализ трудов российских историков, посвящённых изучению истории колонизации Сибири и Северо-Востока Азии, рассматривающих данный процесс с позиций фронтирного концепта. Применён метод компаративного анализа источников, изучен большой объём документальных, историографических и фольклорных материалов.

Результаты. На основе изучения разных подходов к применению фронтирного концепта к исследованию различных сторон многомерного процесса присоединения русскими людьми сибирских и северо-восточных земель автором установлено, что концепт фронта остаётся востребован в данной области исторических изысканий, т. к. способствует раскрытию дополнительных аспектов социально-культурного взаимодействия пришлого и аборигенных народов. Сделан вывод, что в условиях освоения русскими служилыми людьми значительных пространств целесообразно исследовать возникающие «ментальной границы» – территориальные фронтиры вокруг острогов, острожков и зимовий, являвшихся опорными пунктами колонизации региона, расположенных по крупнейшим рекам Северо-Востока Азии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Учитывая масштабы и скорость передвижения отрядов служилых людей вглубь северо-восточных земель, автором обосновано применение термина «перемещаемый фронт», раскрыты причины мирного характера взаимодействия в пространстве фронта русских первопроходцев с якутами.

Ключевые слова: колонизация Сибири, первопроходцы, присоединение Ленского края, русские служилые люди, сбор ясака, фронтирный концепт, ясачное население

THE ANNEXATION OF THE LENA REGION TO THE RUSSIAN STATE BY SERVICE PEOPLE IN THE 17TH CENTURY IN THE CONCEPT OF FRONTIER SPACE

A. Chertkov

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
ul. Ostozhenka 53/2-1, Moscow 119021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the features of the application of the frontier concept for research into the events of the annexation of the Lena region to the Russian state in the 17th century by service people.

Methodology. The analysis of works by Russian historians devoted to the study of the history of colonization of Siberia and North-East Asia, considering this process from the position of the frontier concept, was carried out. The method of comparative analysis of sources was applied, a large volume of documentary, historiographic and folklore materials was studied.

Results. Based on the study of various approaches to the application of the frontier concept to the study of various aspects of the multidimensional process of the annexation of Siberian and north-eastern lands by Russian people, the author found that the frontier concept remains in demand in this area of historical research since it helps to reveal additional aspects of the socio-cultural interaction of newcomers and indigenous peoples. The author concludes that, in the context of the development of significant spaces by Russian service people, it is advisable to study the emerging “mental boundaries” – territorial frontiers around forts and winter quarters, which were strongholds for the colonization of the region located along the largest rivers of Northeast Asia.

Research implications. Considering the scale and speed of movement of detachments of service people deep into the north-eastern lands, the author substantiates the use of the term “movable frontier” and reveals the reasons for the peaceful nature of interaction in the frontier space of Russian pioneers with the Yakuts.

Keywords: colonization of Siberia, pioneers, annexation of the Lena region, Russian service people, collection of yasak, frontier concept, yasak population

Введение

Изучение истории периода присоединения к Русскому государству сибирских земель в проблематике фронтальных исследований российские учёные начали в 1990-х гг. «Фронт для заселения» исчерпаем: «никогда не появится такого подарка – свободных земель», – отмечал автор теории фронта американский историк Ф. Дж. Тернер [17, с. 40]. Как оказалось, исчерпаемым могли оказаться и возможности исследовательского подхода фронта, если бы он не был подхвачен междисциплинарной практикой изучения границ и пограничий, в рамках которых концепт продолжает раздвигать области первоначальных смыслов при изучении процессов «присоединения»

(«колонизации», «завоевания», «включения», «вхождения») соседних регионов к Русскому государству.

В данном исследовании мы применяем термины «присоединение» и «колонизация», понимая под ними начальную стадию продвижения русских людей на Северо-Восток Азии в XVII в., ознаменованную значительными географическими открытиями и включающую в себя процессы прихода, заселения и освоения новых земель мирными, насильственными, административными и экономическими методами. Такой подход был обоснован в трудах историков советской школы С. В. Бахрушина, В. И. Шункова, Н. В. Устюгова, Ф. Г. Сафронова, А. А. Преображенского и др. Находясь

под влиянием «формационного подхода» к историческому процессу, они, тем не менее, успешно воссоздали события прошлого, оставив современным исследователям возможность «заглянуть» в небольшие лакуны, в подвижных границах которых можно проследить различные черты социальных групп, вынужденных в силу обстоятельств взаимодействовать друг с другом и формировать представление о возможном соседстве или сопротивлении новым порядкам, устанавливаемым пришлыми на земли коренных народов людьми.

В последнее время, сравнивая процессы колониального освоения Сибири и Нового Света, российские историки начали указывать на недостаточный градус «восторга» в трудах предшественников, содержащихся в оценке подвига русских землепроходцев. «Русская же территориальная экспансия не стала торжеством отечественной истории и географии. Даже близко нет у нас того же восторга перед землепроходцами, как у американцев перед их пионерами Запада [5, с. 52]. Думается, подобные выводы являются больше следствием эмоционального порядка, чем знания отечественных историографических традиций. Советская историография отдала должное подвигам землепроходцев и служилых людей, совершившим не только «проведывание новых земель», но и установившим систему легитимизации власти Русского государства путём закрепления «территориальных политико-административных (судебных, военных) и фискальных институтов (сбор ясака и пошлин)» [6, с. 350] на огромных пространствах Северо-Востока Азии.

Особенности «Ленского фронта»

Вслед за присоединением Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI в. и сокращением там пушного промысла торгово-промышленные интересы властных институтов, необходимость пополнения государственной казны за счёт

«мягкой рухляди» «погналы» отряды служилых и других «охочих» людей в поиске дополнительных ресурсов «проведывать новые земли» на Северо-Востоке Азии. Опорными пунктами последующей колониальной экспансии русских стали Мангазей, Туруханск и возведённый в 1619 г. Енисейский острог, где в том же году от пленённого князя кипанских эвенков Илтика стало известно о «великой реке Лены» в расстоянии «на два дня ходу» от месторасположения енисейских служилых [15, с. 7–8.]. Полученные сведения о существовании «Лин, большой реки» и живущем на ней народе, были подтверждены в 1621 г. пленными тунгусами-буляшами в Мангазее. Аборигенный народ, о котором свидетельствовали тунгусы, был идентифицирован С. В. Бахрушиным как якуты [1, с. 12].

Предпринятые енисейскими и мангазейскими воеводами последующие действия могли стать причиной снаряжения первого отряда русских людей в количестве 40 человек под командой «гулящего» или «промышленного человека» Пенды (Пантелей Демидов Пянда). По отдельным сведениям, мангазейский отряд Пенды в промежуток времени от первых сведений о якутах и до 1624 г., даты упоминания одного из зимовий установленного отрядом, не только проплыл по Нижней Тунгуске до верховьев реки, преодолел по Чечуйскому волоку пространство до р. Лены, но и осуществил нелёгкое плавание вниз по реке до места в районе будущего Якутского острога [1, с. 12]. По другим источникам, Панда мог выйти на Лену через р. Вилюй [14, с. 283–284]. Совершив столь масштабный первооткрывательский поход, Панда с отрядом вернулся в верховья Лены, затем по бурятской степи прошёл к Ангаре и по Енисею вернулся в пункт отправления – Туруханск.

Мангазейцы во главе с Пендой стали не только первооткрывателями Ленского края, но и одними из первых русских людей, коммуницирующих в составе

группы с кангаласскими якутами из рода местного князя Тыгына. Окладников А. П. писал, что приход русских людей зафиксирован якутами в одном из преданий, согласно которому «появились неведомые пришельцы, поразившие Тыгына своим умением работать и мудростью. Пришли они неожиданно и так же неожиданно исчезли. Только спустя несколько лет здесь вновь появились русские» [12, с. 94–102]. Далее последовали походы на Лену отрядов тобольских, мангазейских служилых людей, подвергавшихся нападению якутских князцов. С открытием пути по Вилюю на Лену, обследованию рек Алдан и Амга и строительством в 1632 г. «Ленского острожка» русские служилые люди основательно закрепились в новом для себя регионе.

Воссоздание событий прихода русских людей в Ленский край сделано для определения области свободных границ, рубежей фронта (и особенностей коммуникационного процесса в тот момент между пришлым и аборигенным населением), окраины которых по Ф. Дж. Тернеру являлись «внешним краем волны – местом контакта дикости и цивилизации» [17, с. 14]. Применимость фронтального подхода к изучению исторических процессов на рубежных территориях, в т. ч. и в Сибири, первоначально выставлялась рядом современных российских историков и культурологов альтернативой формационному. Однако со временем многочисленные «фронтановеды» стали понимать, что на российском историческом материале, в частности, сибирской истории, невозможно добиться адаптации друг к другу событий и явлений, происходивших на разных континентах и в разных исторических условиях, проводить параллели, составляющие характерные черты колониального освоения Нового Света.

На примере «вольной земледельческой колонизации» земель по рекам Бухтарме и Нарыму в XVIII в. поселенцами, известными как «каменщики» (живущие

в горах), оказавшимися за пределами обретенных русскими государевых земель, в районах Верхнего Прииртышья, Л. И. Шерстова доказывала неприменимость теории фронта к сибирской истории. «Не прослеживается ни ментальная, ни этническая, ни культурная граница между пришлым и коренным населением» [20, с. 219–220]. В основу своих выводов, отрицающих фронтальный компонент «при колонизации Сибири русскими в XVII в. и даже позже», учёный положила следующие постулаты: царское правительство и московские промышленники добивались власти «не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением», что являлось «рецидивом евразийского наследия» («от гуннов до монголов»); «подданными сначала становились люди, а уж потом, спустя десятки лет, российскими становились и их территории»; раз «вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель», то в отдельных случаях это может говорить о поселении таких групп людей «за пределами фронта»; отсутствие фронта «в культурных, хозяйственных отношениях (он отсутствовал на ментальном уровне тех, кто приходил в Сибирь», т. е. русских) объяснялось невыраженными отличиями у них культурно-конфессиональных различий «европейской части», что «мало отличалось от того, с чем они встретились в Сибири» [20, с. 218, 220–221].

В целом, поддерживая мнение Л. И. Шерстовой о неоднозначности применения фронтального концепта к исследованию различных сторон многомерного процесса присоединения русскими людьми сибирских земель, нельзя согласиться с отдельными постулатами, лёгшими в основу её антифронтальных выводов. Речь идёт об утверждении историка о том, «что во взгляде на аборигенную культуру у русских переселенцев в начальный период освоения Сибири не было ни оценочных суждений, ни чувства

культурного превосходства» [20, с. 217], что в целом верно и подтверждается научными исследованиями [2, с. 66–97], вернее – отсутствием в них публикаций самих фактов демонстрации ментального превосходства представителей пришлой культуры над аборигенной.

Дело не в том, что «русские в XVII в. не были знакомы с европейскими учениями о стадильности развития человечества», предопределявшие их «паритетные отношения», а следовательно, «не могли противопоставить аборигенов и пришельцев на общественно-экономическом уровне», – как пишет Л. И. Шерстова [20, с. 217]. Было бы, безусловно, странно требовать от русских служилых людей XVII в., предпринявших первые попытки вторгнуться в земли, населённые иными северными народами, знания европейских концепций развития общества, но стоит согласиться с доводами Ф. Дж. Тернера, что «дикая местность подчиняет себе колониста», приходящего туда «европейцем», «по одежде..., мыслительным привычкам» и превращающегося в «индейцев чероки и ирокезов»: «он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть» [17, с. 15].

Придя к выводу о «превращении» под воздействием природного фактора колониста в индейца и говоря здесь же о том, что «фронтир – это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации», Ф. Дж. Тернер, на наш взгляд, опустил обратную сторону процесса, а именно: «превращение» аборигенов в американцев, не в прямом, конечно, смысле, а в восприятии и принятии коренными народами части «европейских» традиций, выразившихся в обретении ими строительных навыков, образцов социальной организации, способов обработки земли, ведения хозяйства, культурных особенностей и т. д. Именно так произошло с тобольскими, березовскими, енисейскими служилыми людьми, вынужденными приспособляться к суровым условиям якутской действительности: использо-

вать одежду аборигенов в условиях холодной зимы, употреблять традиционную пищу местных народов, учитывать народные приметы, чтобы правильно определять маршруты следования, устраивать календарный цикл возделывания сельскохозяйственных, огородных культур, пользоваться изобретёнными здесь орудиями труда и промысла.

Концепт фронта определяет его не просто как «границу», «рубеж» или географическое понятие, он остаётся востребован и сейчас, прежде всего, в конструкте «ментальной границы» и территориальных ареалов, внутри которых могли возникать в американской версии «фронтиры торговцев, скотоводов, горняков, фермеров» [17, с. 21], а в сибирской – фронтиры острогов, острожков, зимовий. Именно строительство служилыми людьми опорных пунктов (острогов) на основных северо-восточных реках (Лене, Вилюю, Олекме, Яне, Индигирке, Колыме) являлось факторами обозначения на данный момент присутствия служилых команд территориальных границ (областей) воеводства, а следовательно, и Московского государства. Другое дело, что быстрые темпы, с которыми служилые, промышленные и другие охочие люди продвигались «встречь солнцу» раз за разом создавали всё новые фронтиры, вмещающая в себя «проведанные» земли и обложенных ясаком роды и племена, проживавших на них людей.

В условиях масштабных походов русских служилых людей в предельно сжатый период времени, обеспечивших им выход к берегам Ледовитого и Тихого океанов, следует говорить о существовании особого «плавающего» или «перемещаемого», причём многократно в течение нескольких лет, вида фронта. В 1620-х – начале 1630-х гг. служилые люди подчинили московскому царю Ленскую речную долину, в 1632–1639 гг. – районы притоков Лены (Вилюя, Алдана и Олекмы), в 1639 г. вышли к Тихому океану и открыли Охотское море, в 1644 г. достигли Амура,

с 1630 до 1650 г. состоялось открытие заполярных рек, впадающих в Ледовитый океан – Оленька, Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и Анадыря. Приход русских людей в любую из вышеперечисленных местностей сопровождался созданием нового фронта как места «неустойчивого равновесия», требующего с обеих сторон максимум усилий для создания условий, обеспечивающих социальный порядок и межкультурное взаимодействие разных народов.

Встречавшиеся служилым и казакам на огромных просторах территориально-родовые группы населения вели полукочевую жизнь, занимались скотоводством, рыболовством, охотой, ремёслами. Особенностью хозяйственного уклада якутов были регулярные «перекочевки» для выпаса скота и заготовки сена, «оленные народы» разводили особую породу северных оленей, воинственные чукотские племена занимались звериным и морским промыслами. Каждое из «воистых» племён тунгусов, конных эвенков, части коряков, камчадалов также образовывало в зоне ареала своей жизнедеятельности особые фронты (охотничьи, промысловые, рыболовные, оленные и т. д.), внутри которых от участников процесса требовались усилия для налаживания элементарного порядка, хозяйственной жизни, создания условий для сосуществования, предотвращения конфликтов и т. д.

Устанавливая первые коммуникации, где мирным путём, а где и при помощи насильственных методов, колонисты объявляли своё право на сбор ясака, что служило причиной многих конфликтов. Взаимодействие в зоне конфликта-фронта требовало от служилых людей применения методов особого убеждения (словом, обещаниями защиты от внешних врагов, запугивания, подкупа, обмана), а если этого не удавалось, то и принуждения. Со стороны коренного населения принятие правил фронта также требовало осмысления: права силы

пришлых людей на отъём части нажитого ими имущества (пушнина), на пользование исконными удобными для промысла местами, следования правилам меновой торговли и определения стоимостных эквивалентов меняемых товаров и многое другое. Все перечисленные обстоятельства становились предметом для договорённостей или конфликтной области между представителями новой силы и старых родовых порядков, что требовало времени, если пришлые люди сразу не объявляли зоны своих интересов, которые надо было отстаивать в условиях враждебного окружения. В пользу «перемещаемых» раз за разом возникающих по мере перемещения русских колонистов в других местах фронтов говорит и то, что каждый род или племя говорило на своём языке или диалекте, отличалось особенностями хозяйственного уклада, различиями ведения промыслов, навыками защиты территории своего обитания от непрошенных гостей и все эти многочисленные условия нужно было урегулировать в рамках новых фронтальных обязательств как стороны, нарушившей сложившееся в конкретном месте равновесие.

Российские «фронтоведы» недавно также обратили внимание на наличие подобных «перемещаемых» фронтов. Рассматривая выделенные А. Т. Урушадзе особенности фронта, они определили для себя задачу выявления «закономерностей появления гибридных (“дрейфующих”) идентичностей и стратегий присвоения/удержания территорий в пространстве фронта» [7, с. 99]. Использование термина «перемещаемый фронт», на наш взгляд, больше типизирует данный вид подобных фронтальных образований, т. к. в условиях поступательного движения русских людей на Северо-Восток Азии в XVII в. оно имело не стихийную «дрейфующую» основу, а представляло из себя целенаправленную стратегию институтов Московского государства, направленную на колониза-

цию земель до самых границ внешнего фронта на Севере – выход к Ледовитому океану, на юге – выход к Амуру, на Востоке – выход к Тихому океану. Термин «перемещаемый фронт» оставляет за служилыми людьми и остальными группами русских людей субъектность в предпринятых ими огромных по масштабам походах, географических открытиях, благодаря воле которых они были совершены, и вмещает в себя их неумолимое стремление развивать достигнутые успехи (строительство острогов как базы своего влияния в регионе) и удерживать территории, ясачных людей в повиновении русскому царю.

Движущими силами процесса столь масштабного по расстояниям, быстрого по времени и сложным по воплощению продвижения отрядов русских людей в географическом пространстве Северо-Востока Азии (недаром походы казаков сравнивали с Великими географическими открытиями XV–XVII вв.) являлись торгово-промышленные интересы феодального Московского царства, стимулирующего колонизаторские устремления мотивированных на сбор «мягкой рухляди» как русских служилых, так и других парамилитарных (близких к военному) и промышленных групп людей.

В качестве чуть ли не универсального инструмента покорения индейских племён колонистами Ф. Дж. Тернер привёл в пример торговлю как «разрушительную силу цивилизации, проникающую в дикие местности» [17, с. 21]. Торговля оружием, другими товарами «постепенно подрывала мощь краснокожих, сделав их племена, в конечном счёте, зависимыми от белых» [17, с. 22]. Наличие торговых фронтов в условиях индейского пограничья способствовало и скорости колонизации земель аборигенов.

Ситуация с колонизацией русскими земель на Северо-Востоке Азии в XVII в. в свете «торгового фронта» обстоит сложнее по многим причинам. Правительственными указами 1649 г. и осо-

бенно 1690-х гг. сборщикам ясака была запрещена торговля в ясачных волостях и улусах вина, табака, игральными картами, оружием вплоть до смертной казни с конфискацией имущества нарушителя [18, с. 28].

Деятельность торговых и промышленных людей облагалась различного вида налогами. В неизменном виде вплоть до конца 1680-х гг. существовали следующие виды сборов:

– по прибытию в уезд – «явчая пошлина» по алтыну с человека;

– «полавочная» – 8 денег с человека за каждую неделю;

– «записная порублевая» – с оборота проданного товара по алтыну с каждого рубля;

– «роговая» – за купленный скот по 1-2 алтына;

– «пошерстная» – за купленную лошадь;

– «весчая» – за продажу товаров на вес по 1-2 деньги;

– «печатная» – с рубля по деньге;

– «бестоварная» – по гривне с человека;

– «отъезжая» – за отпуск на соболиные угоды по алтыну с человека;

– «отъезжие» (при отбытии на родину сразу три налога) – по алтыну с человека;

– «посороковая» – с каждых сорока увозимых соболей по 4 деньги;

– «порублева» – с каждого накопленного рубля по 4 деньги;

– «десятинная» – со всего ввозимого в регион и увозимого товара по десятой части;

– «оброчные деньги» – по 8 алтын 2 деньги с человека в год и «указные деньги» – по 16 алтын 4 деньги [16, с. 9–10].

Ставка на торговый фронт по-американски без большого числа ограничений, таможенных препятствий и казённого контроля привела к тому, что нередко колонистов там встречали индейцы с ружьями, вооружённые продавцами-европейцами или контрабандистами. В условиях одоления фронта первыми отрядами русских служилых

людей в Ленском крае и последующих их действиях на «перемещаемых» фронтах, где открывались новые возможности для сбора ясака, «оскуднение» хозяйственного состояния самих сборщиков, неготовность их в массе своей выстраивать торгово-меновые отношения с местными родами, ясачными жителями не способствовали обороту огнестрельного оружия. «Служивые люди оскудали, что к службе лошадей и ружьё купить им стало не на что, и в том их недостатке в разных походах от неприятелей многие побиты до смерти» [18, с. 29]. Торговля оружием на землях коренных народов Якутии в XVII в. не стала одним из решающих факторов создания «торгового» или «военного» фронта в его американском понимании ещё и потому, что местные ремесленники из якутов к тому времени изготавливали «высококачественное наступательное и защитное вооружение» не только для воинов своего рода, но и «на рынок» [3, с. 193], а обходиться без других благ цивилизации, будь то металлическая посуда, одежда и др., для аборигенного населения было делом привычным.

Указанные ограничения стали значительными сдерживающими факторами развития торгово-меновых отношений в крае в XVII в., но в целом они не могли помешать расширению торговли между пришлым и коренным населением ввиду крайней заинтересованности первых в приобретении пушнины как высоко маржинального товара.

Ментальность русских служилых людей в зоне фронтального взаимодействия

Отсутствие «оценочных суждений и чувства культурного превосходства» у русских служилых людей по отношению к встретившимся им в походах на Лену и другие северо-восточные реки группам аборигенного населения, «ментальной, культурной границы» между ними не должно вводить в заблуждение исследователей, оценивающих события присо-

единения этих земель с позиций фронтального концепта [20, с. 217, 220].

Для изучения вопросов «ментальности» первых русских людей следует иметь представление об их социальной принадлежности. Особенности менталитета людей, покорявших сибирские просторы, по мнению Н. И. Никитина, являлось присутствие в них 2 типов казаков-землепроходцев: «типичный конкистадор, смыслом жизни которого были военные походы и военная добыча» и людей, которых «отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность», умение проявить себя в ратном деле, но предпочитавшим «решать все вопросы мирным путём» [8, с. 401–402].

В Ленский край с воеводами были направлены в основном тобольские, мангазейские и енисейские служилые. Они, в свою очередь, в конце XVI – начале XVII вв. формировались из числа «прибранных на службу» из северных городов Русского государства – пермских («новоторжцы», «можаитин», «донцы»), терских и «польских» казаков, служили и «холмогорцы», «вятчане», «угличане», «москвичи»; в конце XVI в. начали принимать на службу представителей местного сибирского населения. Имеются сведения о службе в первых сибирских гарнизонах «выходцев из-за рубежа: “литва”, “черкасы” и “немцы”, татары, кодские ханты (“служилые остяки”))» и др. [10, с. 26–27].

Используя значительный объём архивных источников, советские и российские историки [10; 16; 18] доказали промежуточное положение приборных служилых людей в системе классово-сословного строя Русского государства XVII в. – между сословием феодалов и эксплуатируемыми массами. Сами служилые люди являлись трудовой частью населения Сибири, одной из эксплуатируемых её групп, платили основные налоги и сборы, в хозяйственном отношении существовали в условиях, сблизивших их с низшими прослойками феодального общества. В целом русское население

Сибири «несло, по сравнению с аборигенным, неизмеримо больший объём налогов и повинностей» [9, с. 43]. «Вплоть до конца XVII в. приборные люди формально входили в “служилое сословие”, включавшее и большую часть класса феодалов. Однако вся история существования группы приборных людей была историей её вытеснения из служилого сословия» [10, с. 195]. Первые служилые, объявившиеся на Лене-реке в XVII в., были выходцами из «деклассированных» слоёв русского общества. Собранные в опорных сибирских городах для освоения «украинных земель», эти люди были не передовыми отрядами, несущими аборигенным народам европейскую культуру, а являлись органической частью того населения Сибири, которое так же, как и они, выживало с помощью службы по прибору в суровых условиях, выполняя самые разнообразные обязанности.

Тяготы воинской службы, постоянные перебои с получением жалования и хлебного довольствия, отсутствие времени для ведения хозяйства и удобных для занятия земледелием и различными промыслами наделов, ставили служилое сословие в зависимое от воевод, атаманов и начальников положение. Такое лоскутно скроенное образование представляло из себя служилое сословие в XVII в., призванное «проведывать» «дальние от века неслыханные земли». Не стоит удивляться, что собранные в команды разнородные по происхождению и статусу служилые люди при встрече с коренными жителями не выражали к ним своего «чувства культурного превосходства», т. к. представляли собой зависимые, беднеющие слои русского общества.

Однако вернёмся к многократно повторяемому Л. И. Шерстовой тезису о «власти не столько над территорией, сколько над живущим на ней населением»: «Русской власти в Сибири в начальный период колонизации не столько была нужна земля как таковая, сколько люди – ещё одно тяглое сословие Москов-

ского царства» [20, с. 217–218]. Истоки подобного взгляда на процесс обретения сибирских земель следует искать, как и указывает учёный, в «наследии кочевых империй Центральной Азии от гуннов до монголов, когда сила правителя опиралась на численность подданного населения... В условиях «кочевого» образа жизни населения контролировать территории было бессмысленно, но «привязав» определённое количество людей к представителям господствующего слоя, можно было легко управлять ими» [20, с. 217–218]. Вышеописанный подход имеет право на существование, когда исследователь рассматривает события прошлого с точки зрения лишь надвигающейся на аборигенные народы силы колониальной экспансии, в данном случае – с позиций торгово-промышленных интересов Московского царства, озабоченных сбором ясака и не заботящихся о последствиях своих деяний после актов изъятия пушнины у местных родов и племён.

К данной трактовке тактики «от гуннов до монголов» в условиях «обретения» северо-восточных земель русскими служилыми людьми в XVII в. следует подходить с учётом следующей специфики. Во-первых, у якутов существование большого количества родоплеменных групп было тесно связано со строго ограниченной родовой территорией. Родовая земля охранялась от различных посягательств соседних родов, пригодные для ведения хозяйства участки бережно возделывались. Во-вторых, местные народы в основном вели не «кочевой», а полукочевой образ жизни, они перемещались на «летники» для выпаса скота, «зимовки» для его содержания, возвращаясь в свои исконные места обитания. В-третьих, перемещаться в труднодоступных северных условиях на большие расстояния в поисках лучших условий для ведения хозяйства было затруднительно, т. к. специфика и время подготовки земель к использованию имели больший природный цикл и трудоёмкость, чем в любом другом

регионе. В целом говорить о мобильности коренных народов в условиях труднопреодолимых северных территорий, усугубляемых деятельностью в зоне рискованного земледелия, как аргументе «кочевого» образа жизни, который было «бесмысленно контролировать», не приходится.

Вариантов «привязки» ясачных людей «к представителям господствующего слоя» для того, чтобы «легко управлять ими», было не так уж много: возможность менового обмена на невиданные в дальних местах товары да межкультурный обмен, носителями которого выступали те же «приписанные к классу угнетателей» служилые люди. Сборщики ясака, торговые, промышленные и другие «охочие» люди несли коренным народам своими действиями «привязки» иного характера: признание «воли Белого царя», установление ясачного режима, предусматривающего систему сбора налога с «новокрещенов» пушниной и другими податями, обязанность выполнять поручения воевод и казачьих атаманов, служилых людей, власть которых для них в улусах исходила из острожков, зимовий, казачьих постов и перевозах.

В очерченной нами «области фронта», где происходило непосредственное взаимодействие пришлых в XVII в. на северо-восток людей и коренных обитателей тех мест, возникала ещё одна нематериальная сила, заставляющая аборигенов подчиняться новым порядкам. Американские учёные Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, изучая систему принуждения к повиновению военной власти как «части логики естественного государства», определили, что «угроза насилия становится частью организации контроля фактического применения насилия» [11, с. 67–68]. Обозначенная нематериальная сила – «угроза насилия» в условиях ужесточения ясачного режима – быстро обращалась в материальную в случаях неповиновения улусных жителей растущим потребностям якутских воевод, требующих исполнения государева

заказа на пополнение казны и возмещения затрат самих сборщиков, присваивающих часть пушнины, невзирая на грозящие им санкции. Сложившаяся система «привязки» и «угроза насилием» в отношении коренного населения вкупе с ограниченными возможностями к миграции (массовому бегству) из-за природно-климатических особенностей территории, удалённости от центров принятия решений (воеводств) и близость к казачьим острожкам как местам силы являлись в том числе причинами подчинения новым колониальным порядкам.

Описываемые условия принятия коренными народами Северо-Востока Азии в XVII в. порядков, диктуемых Московским государством через своих представителей на местах, характерен стадии «ранней колонизации» присоединения новых территорий, сопровождаемой «созданием анклавов колонистов в автохтонной среде и начальной деятельностью по хозяйственному освоению этих территорий» [4, с. 34–35, 37].

Многочисленные исследования советских, а затем и российских исследователей упускают, на наш взгляд, немало важный аспект, связанный с рефлексией якутов на появление русских людей на Средней Лене, в частности, похода мангазейских служилых людей под началом Пенды в начале 1620-х гг. При следовании из Туруханска до Тунгуски отряд Пенды не раз подвергался нападению тунгусов, но успешно отбивался от них, используя преимущество в огнестрельном оружии. На этом отрезке пути служилые построили 3 зимовья, где занимались соболиным промыслом и ожидали «открытия водного пути». Опасаясь, что на Лене-реке на отряд вновь могут напасть преследующие его тунгусы, Пенда все же «проехал по Лене до тех мест, где после был построен Якутск» [12, с. 94–102].

Почему отряд Пенды, ступивший на земли кангаласского князца Тыгына, создавшего, по мифологическим источникам, прообраз племенного протого-

сударства и являвшегося лидером якутских родов центральных ленских улусов, судя по преданию, пересказанному академиком А. П. Окладниковым, якуты встретили мирно? По какой причине воинственный род «Якутского “царя” Тыгына» [13, с. 188–210] позволил казакам двинуться дальше, проделать огромный путь в низовья р. Лены, вернуться обратно и отсюда направиться к месту своей постоянной дислокации в Туруханск? Отчего в 1630 г., 1631 г., т. е. спустя всего лишь несколько лет, после удививших якутов своими умениями в работе и «мудростью» русских (из отряда Пенды), они (или их соплеменники) уже подвергали вооружённому нападению острожек, построенный отрядом служилых людей под началом А. Добрынского и М. Васильева?

Безусловно, можно было бы сослаться на известное «северное гостеприимство», но это явно не тот случай, когда, зная толк в междоусобных столкновениях с конкурирующими за ресурсы с соседними родами «тыгынцы», дали спокойно передвигаться по своим землям вооружённому отряду русских служилых людей. Можно было бы взять во внимание пресловутое отсутствие «культурного превосходства» русских над коренными народами, которое было рассмотрено нами выше, и что оно помешало или не позволило им взяться за оружие и расправиться с пришлыми на их территорию с оружием людьми – носителями неведомой доселе европейской цивилизации.

Логика мирной встречи и межэтнической коммуникации в рамках образовавшегося на Ленской земле фронтального взаимодействия первых русских людей под командованием Пенды с якутскими воинами может говорить об отсутствии на тот момент коренных противоречий между столкнувшимися на берегах Лены-реки группами людей, не проявивших по отношению друг к другу недружественных намерений или об отсутствии у служилых специального задания – воеводской грамоты на приведение мест-

ных родов в «ясачное звание». Служилые люди не предприняли попыток призвать «иноземцев» в подданство русскому царю посредством оглашения «жалованного слова», как это было принято в сибирских походах конца XVI в., или привести их к шерти (присяге) – распространённому способу легитимации царской власти для народов Якутии XVII в. [19, с. 70–71]. В вариантах преданий, пересказанных А. П. Окладниковым, как в записанных со слов мангазейских казаков, так и по свидетельствам кангаласских якутов, о подобных посягательствах не сказано, а говорится лишь об их мирном общении, не нарушающим сложившийся между группами на тот момент статус-кво. В отсутствии документальных подтверждений можно допустить, что отряд Пенды либо не имел наказной грамоты с предписанием приводить «под высокую государеву руку» повстречавшихся им в пути «иноземцев», либо не решился этого сделать в силу явного перевеса сил якутской стороны.

Как русские служилые люди могли лишь догадываться об истинных масштабах открываемых ими пространств по другую сторону реки Лены, богатых разнообразными природными ресурсами, так и вожди кангаласских якутов не в полной мере оценивали последствия и опасности, исходящие от встречи с представителями иного цивилизационного миропорядка. «Пришли они неожиданно и так же неожиданно исчезли», – говорится в якутском предании о русских. Скорее всего, потрепанный в столкновениях с тунгусами отряд Пенды, пробиравшийся на земли якутов четвертый год подряд, не представлял из себя угрозы сплочённому дисциплиной и порядком роду Тыгына. «Эти новые люди, поразившие бесхитростного якутского вождя своим искусством работать и мудростью» [12, с. 188–210], не проявили себя как источник потенциальной опасности, «угрозы насилия», а, напротив, каким-то образом сумели продемонстрировать на-

выки трудолюбия: «искусство работать» и «мудрости», всегда высоко ценившиеся в людях в якутском народе. Можно определённо говорить о том, что команда Пенды представляла собой не столько вооружённую единицу, призванную любой ценой отыскать новые промыслы, сколько отряд первопроходцев, менталитет которых отличался от отчаянных и нахрапистых «пассионариев» «осмотрительностью, неторопливостью, деловитостью, степенностью»: «Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с представителями самых различных племён и народов» [8, с. 401–402].

По-видимому, русские и якуты при первой групповой встрече (отряд Пянды в начале похода насчитывал 40 человек) заключили между собой нечто вроде неформального институционального соглашения не применять оружие в пределах территориальной ответственности и власти «Якутского “царя” Тыгына», находили во взаимном общении ценности иного порядка, раздвигавшие границы первоначальных представлений о сопредельных с их ареалом обитания пространствах (фронтиров), обменивались знаниями о мироустройстве неведомых им доселе социумов.

Заключение

Применение теории фронтального концепта в исследовании процесса присоединения русскими служилыми людьми XVII в. земель на Северо-Востоке Азии позволяет раскрыть дополнительные области социально-культурного взаимодействия различных народов, объяснить побудительные мотивы, причины мирного или воинствующего отношения аборигенных племён к отрядам перво-

проходцев. В процессе межкультурного взаимодействия менялись не только «новокрещены», но и сами служилые люди, вынужденные приспосабливаться к суровым условиям якутской действительности. Строительство служилыми людьми и казаками острогов являлось показателем закрепления области фронта за новой властью, разделяющей с местными князьками ответственность за безопасность и хозяйственное состояние обрётённой территории. Скорость и масштабы первооткрывательских устремлений русских служилых людей создавали условия для образования своеобразных «перемещаемых» фронтиров, в рамках которых раз за разом, мирным путём или насильственными методами, создавались условия для налаживания порядка и хозяйственной жизни.

Служилые люди по прибору, рядовые казаки – выходцы из северных сибирских городов в социальном плане в силу ряда причин относились к бедным слоям русского общества и ментально были близки к местным народам. Коренное население Средней Лены в лице кангаласских якутов, повстречавших первый отряд русских под командованием Пянды, позволило немногочисленной группе вооружённых людей обследовать значительную территорию вдоль главной водной артерии фронта и не причинило им вреда. Мирный характер взаимодействия в рамках фронта изменялся на воинственный, как только пришедшие на якутские земли или земли других северных родов и племён люди обнаруживали намерения «угрозой насилия» изменить существовавшее в социальных группах равновесие или предъявляли права на сбор ясака и приведение неясачных народов в подданство русскому царю.

Дата поступления в редакцию 01.08.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С. В. Открытие Якутии русскими в XVII веке и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск: Кн. изд-во, 1953. 438 с.
2. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. (исторический очерк) // Советский Север. 1929. № 1. С. 66–97.
3. Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
4. Вершинин Е. В. Ранняя колонизация Сибири в компаративном аспекте // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2009. № 3. Вып. 2. С. 33–38.
5. Голубчиков Ю. Н. Сопоставление западноевропейского и русского колонизационного процесса // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. Т. 2. № 12. С. 50–59.
6. Зуев А. С., Слугина В. А. Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 340–352.
7. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, Ю. А. Мизис, В. И. Мильчев и др. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1. С. 81–105.
8. Никитин Н. И. История казачества: аспекты научные и политические М.: Директ-Медиа, 2022. 488 с.
9. Никитин Н. И., Петров Ю. А. Русская колонизация Сибири и Америки: дискуссионные проблемы // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 35–49.
10. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.
11. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уэланера и др. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
12. Окладников А. П. Пенда – забытый русский землепроходец XVII века // Летопись Севера. Вып. 1 / под ред. А. И. Андреева, В. Ю. Визе, А. В. Ефимова. М.–Л., 1949. С. 94–102.
13. Окладников А. П. Якутский «царь» Тыгын: легенды и действительность // Окладников А. П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 188–210.
14. Полевой Б. П. Новое о Пянде // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск: Наука, 1965. С. 283–284.
15. Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII–XIX вв. Якутск: Кн. изд-во, 1957. 72 с.
16. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. 142 с.
17. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
18. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII– начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 208 с.
19. Чертков А. С. Дискуссионные вопросы изучения процесса присоединения Северо-Востока Азии к Русскому государству в XVII – середине XIX веков // Клио. 2023. № 11. С. 67–74.
20. Шерстова Л. И. Концепция фронта и освоение русскими Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 217–222.

REFERENCES

1. Bakhrushin S. V. [Discovery of Yakutia by Russians in the 17th century and its annexation to Russia]. In: Bakhrushin S. V., Tokarev S. A., eds. *Yakutiya v XVII v.* [Yakutia in the 17th century]. Yakutsk: Book publishing house, 1953. 438 p.
2. Bakhrushin S. V. [Siberian natives under Russian rule before the revolution of 1917 (Historical sketch)]. In: *Sovetskiy Sever* [Soviet North], 1929, no. 1, pp. 66–97.
3. Vasiliev F. F. *Voyennoye delo yakutov* [Military affairs of the Yakuts]. Yakutsk, Bichik Publ., 1995. 224 p.
4. Vershinin E. V. [Early colonization of Siberia in a comparative aspect]. In: *Gumanitarnyye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya* [Humanities in Siberia. Series: Domestic history], 2009, no. 3, iss. 2, pp. 33–38.

5. Golubchikov Yu. N. [Comparison of the Western European and Russian colonization process]. In: *Sotsialnaya integratsiya i razvitiye etnokultury v yevraziyskom prostranstve* [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space], 2023, vol. 2, no. 12, pp. 50–59.
6. Zuev A. S., Slugina V. A. [The legitimacy of Tsarist authority over the peoples of Siberia in the late 16th to early 18th centuries]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 340–352.
7. Basalaeva I. P., Dubman E. L., Mizis Yu. A., Milchev V. I., et al. [How study the frontiers today? Discussion on the article by D. V. Senya]. In: *Peterburgskiy slavianskiy i balkanskiy issledovaniya* [Petersburg Slavic and Balkan Studies], 2020, no. 1, pp. 81–105.
8. Nikitin N. I. *Istoriya kazachestva: aspekty nauchnyye i politicheskiye* [History of the Cossacks: scientific and political aspects]. Moscow, Direct-Media Publ., 2022. 488 p.
9. Nikitin N. I., Petrov Yu. A. [Russian colonization of Siberia and America: controversial issues]. In: *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin Russian nation], 2012, no. 4-5, pp. 35–49.
10. Nikitin N. I. *Sluzhilyye lyudi v ekonomike Sibiri XVII v.* [Service people in Western Siberia in the 17th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 255 p.
11. North D., Wallis D., Weingast B. *Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting the written history of mankind* (Rus. ed.: Ulanera D. et al, trans. *Nasiliye i sotsialnyye poryadki: kontseptualnyye ramki dlya traditsionnoy pis'mennoy istorii chelovechestva*). Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2011. 480 p.)
12. Okladnikov A. P. [Penda – a forgotten Russian explorer of the 17th century]. In: Andreeva A. I., Wiese V. Yu., Efimova A. V., eds. *Letopis Severa. Vyp. 1* [Chronicle of the North. Vol. 1]. Moscow-Leningrad, 1949, pp. 94–102.
13. Okladnikov A. P. [Yakut “Tsar” Tygyn: legends and reality]. In: Okladnikov A. P. *Otkrytiye Sibiri* [Discovery of Siberia]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1979, pp. 188–210.
14. Polevoy B. P. [New about Pyanda]. In: *Sibirskiy period feodalizma. Vyp. 2: Ekonomika, upravleniye i kul'tura Sibiri XVI–XIX vv.* [Siberia during the period of feudalism. Issue 2: Economy, management and culture of Siberia of the 16th–19th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1965, pp. 283–284.
15. Safronov F. G. *Gorod Yakutsk v XVII–XIX vv.* [The city of Yakutsk in the 17th–19th centuries]. Yakutsk, Kn. izd-vo Publ., 1957. 72 p.
16. Safronov F. G. *Russkiye promysly i torgi na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russian crafts and trades in the north-east of Asia in the 17th – mid-19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 142 p.
17. Turner F. J. *Frontier in American History* (Rus. ed.: Petrenko A. I., transl. *Frontir v amerikanskoj istorii*). Moscow, Ves Mir Publ., 2009. 304 p.)
18. Fedorov M. M. *Pravovoye nachalo narodov Vostochnoy Sibiri (XVII–XIX vv.)* [Legal Status of the Peoples of Eastern Siberia (17th – early 19th centuries)]. Yakutsk, Kn. izd-vo Publ., 1978. 208 p.
19. Chertkov A. S. [Controversial issues in studying the process of annexation of North-East Asia to the Russian state in the 17th – mid-19th centuries]. In: *Klio* [Clio], 2023, no. 11, pp. 67–74.
20. Sherstova L. I. [The concept of the frontier and the development of Siberia by Russians]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 217–222.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чертков Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России
e-mail: alexchertkov@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey S. Chertkov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia;
e-mail: alexchertkov@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чертков А. С. Присоединение Ленского края к русскому государству служилыми людьми в XVII веке в концепте фронтального пространства // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 4. С. 44–58.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-44-58

FOR CITATION

Chertkov A. S. The annexation of the Lena region to the Russian state by service people in the 17th century in the concept of frontier space. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 4, pp. 44–58.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-4-44-58